

И. Созонович

**Песни и сказки о женихе-мертвеце
или брате-мертвеце**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Созонович**
Песни и сказки о женихе-мертвце или брате-мертвце / И. Созонович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-458-01920-0

Этюд по сравнительному изучению народной поэзии.

ISBN 978-5-458-01920-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

литъ. Вотъ эти общія идеи и обусловили возникновеніе самаго сюжета Леноры; въ разборъ ихъ мы и перейдемъ, остановившись предварительно на литературѣ вопроса о Ленорѣ.

2. Литература о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ.

Вскорѣ послѣ своего появленія Ленора Бюргера обратила на себя вниманіе иноземныхъ критиковъ, изъ которыхъ первыми высказались англичане. Въ журналѣ *Monthly Magazine* за сентябрь 1796 года появилась замѣтка, въ которой указано, что въ англійской поэзіи существуетъ подобный же рассказъ „the Suffolk miracle, or a relation of a young man, who a month after his death appeared to his sweetheart, and carried her on horse back behind him for forty miles in two hours, and was never seen after but in his grave,“ т. е. чудесное происшествіе въ Суффолькѣ или рассказъ о молодомъ человѣкѣ, который черезъ мѣсяцъ послѣ смерти явился въ своей возлюбленной и увезъ ее, посадивъ на лошадь позади себя; въ два часа онъ сдѣлалъ болѣе сорока миль и послѣ того болѣе не появлялся изъ гроба,—и на основаніи этого факта англичане доказывали, будто Бюргеръ заимствовалъ сюжетъ для Леноры изъ англійской поэзіи. Этой замѣткой и начинается споръ о происхожденіи Леноры, споръ продолжающійся и до нашего времени, хотя за англійскій источникъ для нѣмецкой баллады теперь рѣдко кто уже стоитъ послѣ цѣлаго ряда основательныхъ разысканій источниковъ баллады. Въ числѣ такихъ сторонниковъ англійской теоріи упомянемъ Карла Bleibtreu¹⁾ все еще думающаго будто въ основѣ Леноры лежитъ англійская баллада „Sweet William's ghost.“

Замѣтка *Monthly Magazine* вызвала возраженіе неизвѣстнаго автора въ *Neue Berlinische Monatschrift* за 1799 годъ (II р. 389), который доказывалъ, что Бюргеръ взялъ сюжетъ для Леноры не изъ сборника англійскихъ балладъ, *Collection of*

¹⁾ К. Bleibtreu, *Geschichte der englischen Litteratur in der Renaissance und Klassicität*. Leipzig 1887. Bd. I, стр. 256.

old Ballads (London 1723), но изъ народныхъ нѣмецкихъ преданій, такъ какъ точно такой же сюжетъ распространенъ въ народѣ въ нижней Германіи, въ Мекленбургѣ и Ганноверѣ. За нѣмецкое происхожденіе баллады высказался и Вильгельмъ Гриммъ ¹⁾, указавъ при этомъ на подобный сюжетъ въ датской народной повѣсти, но всѣ эти доbazательства не опирались пока на твердыя данныя, на матеріалы, собранныя въ народѣ.

Интересно отмѣтить, что споръ между англійскимъ и нѣмецкимъ ученымъ изъ-за Леноры очень рано замѣченъ былъ въ славянскихъ земляхъ, гдѣ также оказался распространеннымъ въ народѣ сюжетъ, на которомъ построена баллада Бюргера. Именно нѣкто Ляхъ-Ширма помѣстилъ въ Варшавскомъ научномъ журналѣ за 1819 годъ статью „*Uwagi nad Balladą Bürgera, Leopolda*“ ²⁾ а нѣсколько ранѣе передъ тѣмъ тотъ же Ляхъ-Ширма напечаталъ въ томъ же журналѣ (т. I, стр. 358—366) свою обширную балладу „*Kamilla i Leon*“, явившуюся подражаніемъ баллады „Ленора.“ Подражаніе вышло черезчуръ растянутымъ и безцвѣтнымъ, но „*Uwagi*“ заслуживаютъ нашего вниманія, такъ какъ здѣсь впервые дѣло идетъ о славянскихъ вариантахъ сюжета Леноры. Указавъ на возникшій споръ между англійскими и нѣмецкими писателями о томъ, откуда Бюргеръ заимствовалъ сюжетъ для своей баллады, изъ старой-ли англійской повѣсти „*The Suffolk miracle*“ или же изъ собственнаго своего воображенія, работавшаго въ направленіи случайно слышанной народной пѣсни, Ляхъ-Ширма припоминаетъ, что въ дѣтствѣ ему приводилось слышать славянскія повѣствованія, сходныя по своему содержанію съ балладой Бюргера, а кромѣ того и другія лица, заслуживающія довѣрія говорили ему, что и они въ дѣтствѣ слышали тавіе же рассказы; однако никто изъ нихъ не могъ въ порядѣ изложить содержанія слышанной въ дѣтствѣ повѣсти. „И только на дняхъ, говорить

¹⁾ W. Grimm. *Altdanische Heldenlieder, Balladen u. Marchen*. Heidelberg 1821, стр. 505.

²⁾ *Pamiętnik Naukowy*, służący za ciąg dalszy *Ćwiczeń naukowych*, oddział literatury. W Warszawie 1819, т. II, стр. 275—282.

Ширма, мнѣ удалось услышать эту повѣсть въ полности въ окрестностяхъ Ярославля въ землѣ Перемышльской“. Сообщаемый далѣе Ширмой малорусскій вариантъ не былъ принятъ позднѣйшими изслѣдователями въ сравненію и долгое время оставался забытымъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1825 г. появился знаменитый сборникъ ново-греческихъ пѣсней, составленный Faugiel'емъ. Здѣсь ¹⁾ ученый издатель въ комментаріи въ одной ново-греческой пѣснѣ припоминаетъ сюжетъ Леноры и въ томъ же году нѣмецкій переводчикъ Форіэлевскаго сборника Вильгельмъ Мюллеръ въ газетѣ Morgenblatt (1825, N. N. 125, 126) помѣстилъ статью „Bürger's Lenore und ein neugriechisches Volkslied“, въ которой приводятся нѣкоторыя англійскія баллады подходящаго содержанія и передается содержаніе ново-греческой пѣсни, „Ἡ νοκτερινὴ περπατησιὰ“, при чемъ высказывается возможность возникновенія схожихъ по своему содержанію произведеній въ разныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, благодаря общности народныхъ представленій.

Такъ медленно и по немногу собирается матеріалъ для изученія сюжета Леноры. Въ 1835 году появляется крупная и важная работа по занимающему насъ вопросу, — это именно изслѣдованіе В. Вакернагеля, напечатанное сперва въ Базелѣ какъ „Einladungsschrift zur Promotionsfeier des Pädagogiums und zur Eröffnung des Jahreskursus 1835 in Basel, затѣмъ перепечатанное въ Altdeutsche Blätter (1836, Bd. I, стр. 174 — 202) съ дополненіемъ одного изъ издателей журнала, Гофманна фонъ-Фаллерслебенъ подъ заглавіемъ: „Zur Erklärung und Beurtheilung von Bürgers Lenore“. Въ полномъ своемъ объемѣ работа эта съ дополненіями Гофманна помѣщена въ сборникѣ мелкихъ статей Вакернагеля ²⁾. Здѣсь собрано значительное количество ва-

¹⁾ C. Faugiel, Chants populaires de la Grèce Moderne. Paris, 1825; t. II, стр. 405.

²⁾ W. Wackernagel, Kleinere Schriften. Leipzig, 1873, Bd. II, стр. 399—427.

ріантовъ нашего сюжета, но матеріалъ далеко не былъ еще исчерпанъ, хотя изученіе вопроса было поставлено серьезно и вѣрно. Дополненіемъ въ собраннымъ Ваккернагелемъ матеріаламъ явилась работа Heinrich'a Gröhle, Gottfried August Bürger's. Sein Leben u. seine Dichtungen. Leipzig 1856, однако и здѣсь не все еще было собрано и указано, а славянскіе матеріалы и вовсе не были затронуты.

Долгое время послѣ этого вопросъ оставался безъ движенія, о немъ какъ бы забыли, хотя онъ далеко не былъ разъясненъ, пока наконецъ появилась въ 1882 г. небольшая статья г. Вольнера „*Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie* ¹⁾). Небольшая по объему она дополняла пробѣлы въ изслѣдованіяхъ предшествовавшихъ писателей, указавъ на важнѣйшіе варианты сюжета Леноры въ поэзіи славянскихъ народовъ. Работѣ этой суждено было снова оживить забытый было вопросъ о Ленорѣ, и на этотъ разъ онъ разсматривается совершенно съ иной стороны, англо-нѣмецкій споръ оставляется теперь безъ вниманія, центр тяжести переносится въ область славянскихъ и ново-греческихъ матеріаловъ, и вотъ установленіе взаимной связи между сербскими вариантами и ново-греческими и повело къ оживленному общему мнѣнію. Но тутъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изслѣдованіи, появившемся въ это время независимо отъ поднятаго Вольнеромъ вопроса и преслѣдовавшемъ инныя цѣли. Я имѣю въ виду диссертацию Р. Holzhausen'a, *Die Ballade und romanze von ihren ersten auftreten in der deutschen Kunstdichtung bis zu ihrer ausbildung durch Bürger*, опубликованную въ 1883 году ²⁾). Въ общемъ обзорѣ дѣятельности Бюргера авторъ всецѣль затрогиваетъ и нашъ вопросъ, не прибавляя ничего новаго въ тому, что раньше было извѣстно, и не исчерпывая самаго вопроса.

На статью Вольнера первый обратилъ вниманіе молодой греческій ученый, состоящій maître de conférences въ École des

¹⁾ Въ Archiv für slav. Philologie 1882, Bb. VI. H. 2.

²⁾ Въ Zeitschrift für deutsche Philologie. Halle, 1883, Bd. XV, Heft II (129—194) и Heft III (297—345).

hautes Études въ Парижѣ, Психарисъ, напечатавъ въ 1884 году свой очеркъ „*La ballade de Lénore en Grèce*“¹⁾. Думая поддержать взглядъ Вольнера, принявшаго сербскій вариантъ на основаніи мотива братней любви за первотипъ для ново-греческихъ изводовъ сюжета Леноры, Психарисъ выдвигаетъ на первый планъ такіа черты сказанія, — какъ *мотивъ братней любви* и эпическое число *девять*, — предполагая, что черты эти характерны именно для южно-славянскои пѣсни, съ которой онѣ и попали затѣмъ въ ново-греческую поэзію. Что же касается вообще перво-источника для славянскихъ и ново-греческихъ пѣсенъ разбираемаго круга, то его отыскиваетъ Психарисъ въ малорусскихъ вариантахъ, какъ самыхъ несложныхъ и примитивныхъ, не подвигая однако этимъ рѣшеніе вопроса ни на шагъ впередъ.

Статьи Вольнера и Психариса вызвали энергичное возраженіе со стороны другого греческаго ученаго, Политиса, при чемъ нападкамы подверглись въ особенности слабыя стороны въ работѣ Психариса. Свои взгляды Политисъ изложилъ въ статьѣ „*Τὸ ὀμητικὸν ἔσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ*“, появившейся въ 1885 въ одномъ изъ Аѳинскихъ журналовъ²⁾. Политисъ не захватываетъ всей области мотивовъ Леноры, а ограничивается лишь опроверженіемъ мнѣнія, будто ново-греческія пѣсни о мертвомъ братѣ явились отраженіемъ такихъ же пѣсенъ сербскихъ. Нельзя сказать, чтобы доводы его отличались большою убѣдительною, а въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ вводитъ пѣсни о мертвомъ братѣ въ циклъ Акритовскій, они прямо фантастичны. Тѣмъ не менѣе работа Политиса интересна, такъ какъ въ немъ собрано значительное количество ново-греческихъ вариантовъ.

Статья Вольнера вызвала появленіе легкаго очерка по вопросу Ленорѣ на польскомъ языкѣ. Нѣкто Д-ръ Bigeleisen напечаталъ статью „*Pro ludowe ballady A. Mickiewicza p. t. „Ucieczka*“, въ одномъ Варшавскомъ иллюстрированномъ жур-

¹⁾ Въ *Revue de l'Histoire des Religions*, t. IX, стр. 27 — 64. Paris, 1884.

²⁾ Въ *Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος Ἐν Ἀθήναις* 1885, t. II, стр. 193—261.

налѣ для дамъ за 1885 годъ ¹⁾). Очеркъ живо написанъ, но научнаго интереса не представляетъ, такъ какъ преслѣдовалъ другія цѣли, будучи назначенъ для широкой публики.

Споръ, возникшій между Вольнеромъ и Психарисомъ съ одной стороны и Политисомъ съ другой, обратилъ на себя вниманіе и русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ отозвались на него А. Н. Веселовскій и Г. Дестунисъ. Первый далъ въ 1885 году краткій отчетъ о работахъ Психариса и Политиса въ замѣткѣ „*Къ народнымъ мотивамъ баллады о Леноръ*“ ²⁾, при чемъ съ осторожностью отнесся въ гипотезѣ Психариса и съ сомнѣніемъ въ выводахъ Политиса, требуя болѣе широкой постановки вопроса; второй, разбирая всѣ три работы, Вольнера, Психариса и Политиса, напечаталъ въ 1886 г. болѣе обширное разсужденіе подъ заглавіемъ: „*Сказаніе о братѣ-мертвецѣ или женихъ-мертвецѣ*“ ³⁾. Дестунисъ отрицаетъ сродство пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ съ поэмой о Дигенисѣ, но склоняется въ пользу исконной принадлежности этихъ пѣсенъ греческому народу. Самостоятельность и первобытность греческой быliny о братѣ-мертвецѣ усматриваетъ онъ въ томъ, что всѣ ново-греческіе варианты (числомъ 17) сложились по одной программѣ и сложились, такъ сказать, своимъ внутреннимъ складомъ со всей остальной народной ново-греческой поэзіей. Чужой сюжетъ по его мнѣнію не могъ бы до такой степени превратиться въ свой собственный.

Такой краткой характеристикой всѣхъ указанныхъ работъ я ограничиваюсь здѣсь на томъ основаніи, что подробностей придется касаться впоследствии; но для полноты я долженъ указать еще на одну статью по нашему вопросу: *Cadicamo*, „*La leggenda di Garentina*“, появившюся въ журналѣ „*L'adolescenza*“ за 1884, т. II, 65. Журналъ этотъ выходилъ въ Калабрія въ Корильяно и не смотря на всѣ усилія мнѣ не удалось достать его.

¹⁾ Въ *Swit. Pismo tygodniowe illustrowane dla kobiet*. Warszawa, 1885, t. II, N. N. 10—16.

²⁾ Въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1885, Ноябрь, стр. 71—79.

³⁾ Въ Жур. Мин. Нар. Пр. за 1886, Мартъ, стр. 76—100.

Этимъ, на сколько мнѣ извѣстно, исчерпывается вся литература вопроса почти за сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ ведется изученіе сюжета Леноры. Литература, какъ видимъ, довольно богата, матеріаловъ собрано вполне достаточно, но самый вопросъ остается до сихъ поръ спорнымъ и неразъясненнымъ. Всѣ вышеуказанные изслѣдователи занимались разсмотрѣніемъ вопроса по частямъ, главнымъ образомъ они собирали матеріалы, до извѣстной степени группировали ихъ и ни одинъ изъ нихъ не остановился на изученіи тѣхъ вѣрованій и понятій народныхъ, на почвѣ которыхъ возможно самое возникновеніе сюжета, легшаго въ основу баллады Ленора. Слабую попытку въ этомъ направленіи можно замѣтить лишь у Вагъвернагеля, но онъ располагалъ недостаточнымъ матеріаломъ, а потому вопросъ и остался не разъясненнымъ и спорнымъ.

Въ настоящее время матеріала собрано такъ много, что въ немъ легко запутаться, если не внести сюда порядка и единства создавшей его мысли. Сырой матеріалъ народной поэзіи только тогда приметъ стройный видъ, только тогда сдѣлается для насъ понятнымъ, если мы оживимъ его тѣмъ духомъ, на почвѣ котораго онъ развился въ своихъ многоразличныхъ формахъ, если мы отъ фактовъ народнаго творчества отвлечемъ тѣ общія идеи, которыя заправляли народной мыслью при сознаніи того или другаго памятника. Конечно, нельзя упускать изъ виду и возможности международнаго литературнаго общенія, имѣвшаго мѣсто въ области народнаго слова, но я не считаю возможнымъ приводить къ нему всѣ болѣе или менѣе схожія произведенія народнаго творчества, думая, что одинаковость міровоззрѣнія непременно приводитъ къ созданію схожихъ сюжетовъ, конечно, простыхъ и несложныхъ, гдѣ бы ни проявлялась творческая сила народа.

Поэтому въ своей работѣ я постараюсь опредѣлить прежде всего тѣ условія, при которыхъ мнѣ кажется возможнымъ возникновеніе самого сюжета нашего, затѣмъ укажу разныя формы его обработки, при чемъ будетъ обращено вниманіе на генетическую связь вариантовъ съ одной стороны и на возможность ихъ самостоятельнаго возникновенія съ другой.

3. Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ.

De mortuis nil nisi bene.

Широкое сравнительное изученіе обычаевъ и словесныхъ произведеній, а также и тѣхъ вѣрованій, которыми обуславливалась когда-то обрядовая сторона жизни низшихъ слоевъ современныхъ культурныхъ обществъ, даетъ множество интересныхъ фактовъ, служащихъ включемъ для уразумѣнія отдѣльныхъ явленій въ быту и поэзіи народной, не доступныхъ уже непосредственному пониманію современнаго человѣка. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ, между прочимъ, и вѣра въ возможность возвращенія мертвыхъ, вѣра, еще до сихъ поръ распространенная въ народѣ почти повсемѣстно въ Европѣ и выражающаяся въ разныхъ обычаяхъ, смыслъ которыхъ иной разъ не понятенъ уже и самому народу.

По словамъ П. Чубинскаго ¹⁾ на югѣ Россіи народъ вѣриво вѣритъ въ хожденіе мертвецовъ и для устраненія этихъ посѣщеній принимаются разные мѣры: могилу ходячаго по ночамъ мертвеца обсыпаютъ макомъ, думая, что вставшій мертвецъ прежде всего долженъ подобрать весь макъ до одного зернышка, а пока онъ успѣетъ это сдѣлать, то запоютъ пѣтухи и мертвецъ долженъ уйти въ могилу; или же забиваютъ въ могилу осиновый колъ. Последнее средство употребляется также при погребеніи повѣсившихся, которымъ иной разъ владутъ въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны; безъ этихъ предосторожностей погребенный могъ бы надѣлать много вреда, такъ какъ онъ обладаетъ силою, позволяющею ему вставать изъ гроба ²⁾. Та же мысль скрывается, и въ обычаѣ, по которому всякій проѣзжающій и проходящій считаетъ непремѣннымъ долгомъ бросить на могилу самоубійцы хотя чтонибудь, что попадетъ подъ руку: влобъ сѣна, вѣтку дерева, горсть земли и т. п. ³⁾, но самъ народъ уже не

¹⁾ П. Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край. СПб. 1877; т. IV, стр. 712.

²⁾ Ibid. т. I, стр. 209.

³⁾ Ibid. т. IV, стр. 712

знаеть, для чего это дѣлается и отвѣчаетъ только: „такъ треба“. Между тѣмъ обычай этотъ оказывается распространеннымъ не только по всей Евронѣ, но и за ея предѣлами, и во множествѣ собранные Либрехтомъ ¹⁾ примѣры обнаруживаютъ, что въ основѣ его могло лежать двухъ родовъ побужденіе: съ одной стороны предметы, бросаемыя на могилу самоубійцы служили какъ бы жертвой ему, съ тѣмъ чтобы мертвецъ или его духъ не причинилъ какого либо зла прохожему, съ другой они являлись какъ бы матеріальнымъ препятствіемъ для его выхода изъ могилы, на которой, благодаря такому обычаю, всегда образовывался цѣлый холмъ. Точно также Ускои вали на голову и на ноги своихъ покойниковъ тяжелые камни, съ тѣмъ чтобы они не могли вернуться домой и безпокоить живыхъ ²⁾. Обычай бросать камни на могилу самоубійцы, съ тѣмъ чтобы помѣшать его выходу изъ могилы извѣстенъ и въ Швейцаріи ³⁾, и центральной Франціи ⁴⁾, и даже въ Сенегамбіи и въ южной Африкѣ ⁵⁾. Повѣріе, что самоубійцы не остаются въ покоѣ въ своей могилѣ, но выходятъ изъ нея, распространено по всей Германіи ⁶⁾ и связывается здѣсь съ вѣрой вообще въ возможность появленія мертвыхъ въ своемъ прежнемъ видѣ ⁷⁾. Тоже самое возрѣніе встрѣчается и въ Англіи, гдѣ оно въ свое время раздѣлялось и высшимъ обществомъ и вызывало даже правительственныя распоряженія ⁸⁾. Чтобы помѣшать самоубійцѣ возвращаться на землю и тревожить живыхъ людей, англійскій законъ долгое время поступалъ съ ними какъ съ вам-

¹⁾ F. Liebrecht, zur Volkskunde. Heilbronn, 1879, стр. 274 и сл.

²⁾ Ibid. стр. 275.

³⁾ E. Rochholz, Schweizersagen aus dem Aargau. Aarau 1856, I, 70.

⁴⁾ Laisnel de la Salle, Croyances et Légendes du Centre de la France. Paris 1875, II, 75.

⁵⁾ Th. Waitz, Anthropologie der Naturvölker. II, 195.

⁶⁾ A. Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart. Ber. 1869, II, стр. 444.

⁷⁾ Ibid. стр. 443.

⁸⁾ H. Gaidoz, Le Suicide въ Mélusine, 1888, т. IV, стр. 11.

пирами. Известно, что вампирамъ забивали въ грудь осиновый колъ и это, по народному повѣрью, мѣшало имъ выходить изъ могилы и высасывать кровь у людей; точно также поступали и съ самоубійцами, причѣмъ хоронили ихъ съ позоромъ на распутіи большой дороги, а имущество отбирали въ казну. Этотъ чисто варварскій обычай былъ отмѣненъ только закономъ 1824 года, но по всей вѣроятности продолжалъ практиковаться, такъ какъ закономъ 1882 года вторично запрещалось хоронить самоубійцъ на распутіи съ коломъ въ груди. Обычай прикрѣплять такимъ образомъ трупъ къ могилѣ не составляетъ особенности вѣрованій англійскаго народа, онъ былъ распространенъ повсюду въ Европѣ и между прочимъ о такомъ же обычаѣ упоминается въ одной ирландской легендѣ ¹⁾: „Злой король, Конхобаръ приказалъ похоронить порознь двухъ нѣжныхъ любовниковъ, чтобы разлучить ихъ даже послѣ смерти. Спустя нѣкоторое время отыскиваютъ могилы, одна изъ нихъ пуста, за то въ другой находятъ оба трупа въ тѣсныхъ объятіяхъ; такимъ образомъ любовь оказалась сильнѣе смерти. Но ревнивый король приказываетъ снова похоронить любовниковъ порознь, а трупы ихъ пронзить осиновыми колами, чтобы они не могли вновь соединиться.“

По повѣрью турецкихъ сербовъ ²⁾ злые, не хорошіе люди и послѣ смерти не оставляютъ добрыхъ людей въ покоѣ: они ходятъ изъ дома въ домъ и дѣлаютъ всякому пакости. Объ этихъ людяхъ говорятъ, что они „*угробничились*“, т. е. сдѣлались вампирами, блуждающею душою. Но такое ограниченіе возможности посмертнаго блужданія только кругомъ недобрыхъ людей принадлежитъ собственно позднѣйшему времени, тогда какъ раньше она, несомнѣнно, распространялась на всѣхъ, что доказывается между прочимъ слѣдующимъ обычаемъ тѣхъ же сербовъ: „въ случаѣ смерти грудного ребенка родные родителей не оставляютъ ихъ спать дома въ ночь, слѣдующую за днемъ смерти ребенка. Вѣрятъ, что душа ребенка является домой, чтобы посо-

¹⁾ Gaidoz, Op. cit. стр. 11.

²⁾ И. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. СПб. 1886, стр. 466.